Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 92–112.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8
https://elibrary.ru/pqotee

Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики

Ольга Алимовна Богданова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
olgabogda@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

Аннотация. Впервые в науке роман советского писателя К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» (1940) анализируется как художественная репрезентация усадьбы-санатория, в первой половине XX в. представленная и в западноевропейской (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк и др.), и в советской (Н. А. Островский, Б. Н. Полевой и др.) литературе. Выясняется, помимо классово-идеологической (противостояние социализма и капитализма), философско-экзистенциальная (общая с европейскими писателями) и национально-мифологическая (восходящая к «усадебному тексту» русской классики, прежде всего к Л. Н. Толстому) проблематика фединского романа. Сделан вывод о том, что благодаря включенности в большую литературную генеалогию основной конфликт «Санатория “Арктур”» выходит за рамки соцреалистического канона и, при сопоставлении в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* и *действительности* как важных модусов человеческого существования, приобретает экзистенциальный и архетипический характер.

Ключевые слова: К. А. Федин, К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, Л. Н. Толстой, усадьба-санаторий, русская усадьба, инициация, экзистенциальная «подлинность»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Богданова О. А. Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 92–112. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8; EDN: PQOTEE

© Богданова О. А., 2026

Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics

Olga A. Bogdanova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olgabogda@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

Abstract. For the first time in science, the novel by Soviet writer K. A. Fedin "Sanatorium 'Arcturus'" (1940) is analyzed as an artistic representation of an estate-sanatorium, which was also represented in the first half of the 20th century both in Western Europe (K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, etc.) and in the USSR (N. A. Ostrovsky, B. N. Polevoy, etc.). It turns out, in addition to the class-ideological (confrontation between socialism and capitalism), the philosophical-existential (common with European writers) and national-mythological (dating back to the "estate text" of Russian classics, primarily to L. N. Tolstoy) problematics of the Fedin's novel. The paper concludes that due to its inclusion in a large literary genealogy, the main conflict of the "Sanatorium 'Arcturus'" goes beyond the socialist realist canon and, when comparing the paradigms of *dreams* and *reality* as important modes of human existence in a closed sanatorium-estate space, acquires an existential and archetypal character.

Keywords: K. A. Fedin, K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, L. N. Tolstoy, estate-sanatorium, Russian estate, initiation, existential authenticity

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: the Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Bogdanova O. A. Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8; EDN: PQOTEE

Введение

Усадьба-санаторий – важнейшая модификация «усадебного топоса» в советской литературе. Она является одним из идейно-композиционных центров в знаменитых романах Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934) и Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1947), а также в менее известном романе К. А. Федина «Санаторий "Арктур"» (1940), который и станет предметом исследования в данной статье. В отличие от Н. А. Островского и Б. Н. Полевого, санаторий К. А. Федина находится не в СССР, а на швейцарском высокогорном курорте – Давосе, куда до Второй мировой войны съезжались туберкулезные больные со всей Европы, в том числе из России, а затем – из СССР. В западной литературе первой половины XX в. усадьба-санаторий также представлена в романистике первостепенных писателей – это «Санатория "Торахус"» (1923) К. Гамсуна[1], «Волшебная гора» (1924) Т. Манна, «Три товарища» (1938) Э. М. Ремарка. В статье рассмотрена и повлиявшая на «Санаторий "Арктур"» традиция «усадебного текста» русской классической литературы, прежде всего в творчестве Л. Н. Толстого. Наряду с историко-литературным и сравнитель-

[1] Другое название – «Последняя глава».

ным изучением, использованы элементы биографического, контекстуального, мифопоэтического и тезаурусного подходов.

Основная часть

В Советском Союзе 1920–1930-х гг. санатории для трудящихся и ветеранов Гражданской войны нередко устраивались в бывших владельческих усадьбах, национализированных новой властью. Таков «коллективный рай» приморского крымского санатория «Майнак» и горного кавказского санатория «Мацеста», где лечился Павел Корчагин. В них сохранялись традиционные усадебные характеристики «рая на земле»: природная умиротворенность, эстетическая гармония, культурно-интеллектуальная насыщенность, отгороженность от тревог большого мира и психологически поддерживающее окружение, атмосфера спасения, душевного и физического возрождения утомленных жизнью героев, но главное – их духовно-нравственного роста, мутации, инициации. Так и в русской классике именно усадьба становилась местом внутреннего кризиса многих героев – Евгения Онегина из одноименного произведения А. С. Пушкина, Дмитрия Рудина из «Рудина» И. С. Тургенева, Константина Левина из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и др.

В то же время усадьба-санаторий оказывается территорией болезни, нередко и смерти, а для деятельного героя Н. А. Островского – вынужденной изоляции от социалистической «мировой стройки»[1]. «Постепенное осознание серьезности своего диагноза и невозможности, как другие, подлечившись, вернуться в строй, ставят Павла перед экзистенциальным выбором между жизнью и смертью»[2]. Санаторный парк «становится пространством инициации главного героя, принятия им судьбоносного решения о себе»[3] – преодолеть искушение самоубийством и снова стать полезным членом общества в другом качестве. Удается же это Корчагину благодаря преемству от русской классики и коллективному характеру советской усадьбы-санатория, изображенной в романе «Как закалялась сталь»: «дружба, солидарность, взаимопомощь <…> необходимое условие для духовного исцеления Корчагина, обретения им чувства целостности жизни, своего нового писательского призвания»[4]. По сути ту же динамику наблюдаем в судьбе Алексея Мересьева, искалеченного войной героя «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Отметим также, что, как правило, советские санатории были для пациентов или совсем бесплатными, или обходились до 30 % стоимости сравнительно недорогой путевки.

[1] Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982, с. 344.

[2] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

[3] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

[4] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 341. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Иная картина в санаториях у К. Гамсуна, Т. Манна и Э. М. Ремарка. При той же усадебной «райскости» (близости к природе, культурных развлечениях, интеллектуальной активности, комфорте, внешнем покое) здесь – каждый сам за себя и, за редкими исключениями, переживает свою трагедию в душевном одиночестве. Так, расположенный в норвежских горах санаторий «Торахус» становится приютом не только для страдающих разнообразными недугами, в том числе неизлечимым до середины XX в. туберкулезом, но и для просто потерявшихся в жизни, психологически травмированных и утративших внутреннюю опору людей со всей Европы (Самоубийцы, фрекен Д'Эспар, лесопромышленника Бертельсена, английской «принцессы», ректора Оливера и др.). Стоимость пребывания и лечения в санаториях западноевропейских стран была очень высокой и целиком ложилась на плечи пациентов. Порядки в гамсуновском «Торахусе» – модели большой европейской жизни, находившейся в тяжелом ценностном кризисе, – описываются следующим образом: «Люди ползают и ползают, некоторые здесь, другие там. Порою ползают вместе, порою встречаются и не желают уступить дорогу друг другу. А иногда переползают через труп друг друга. И разве может быть иначе? Разве они не люди?»[1]. Обреченность их существования маркирована сценой ночного пожара в санатории, несущей очевидные апокалипсические коннотации.

В «Волшебной горе» у Т. Манна намного бóльший философский диапазон: в замкнутом пространстве «санаторской усадьбы»[2] сталкиваются и искрят друг о друга идеи «философии жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, «заката Европы» О. Шпенглера, психоанализ З. Фрейда и учение о «коллективном бессознательном» К.-Г. Юнга, мистицизм и спиритуализм, либерально-гуманистические, революционно-анархистские, марксистские, масонские и прочие теории, изложенные в дискурсах многочисленных интернациональных персонажей. Все они – «гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры»[3]. Так как «Волшебная гора» несколько раз упоминается в проблемно насыщенных контекстах фединского «Санатория "Арктур"», то выделим в этом произведении черты, важные для будущего анализа романа советского писателя.

«Замкнутый мирок» «Бергхофа» находится «наверху» в альпийских горах, вдали от повседневных тягот «равнины», поэтому время в санатории сгущено и циклично наподобие вечности. В силу этого он становится местом инициации главного героя, обыкновенного немецкого юноши – Ганса Касторпа – с практичным инженерным образованием – ведь в «атмосфере бездумного и легкого, но в то же время овеянного дыханием смерти существования <…> есть нечто значительное, открывающее без-

[1] Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. с. 208.

[2] Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959, с. 350.

[3] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 236.

брежные просторы для мысли»[1]. «Для автора и смерть, и болезнь, и все жуткие приключения, через которые он заставляет пройти своего героя, – это лишь *педагогическое*[2] <…> средство, с помощью которого достигается <…> приподнимание заурядного героя над его первоначальным уровнем. <…> Это понимание болезни и смерти как необходимого этапа на пути к мудрости, здоровью и жизни делают “Волшебную гору” романом о посвящении в таинства (initiation story)»[3].

Как видим, в замысле Т. Манна было преодоление фрейдовского Та́натоса как «влечения к смерти» в «закатных», по О. Шпенглеру, лучах как будто угасавшей европейской культуры. Отметим, что именно такое пессимистичное настроение безальтернативно пронизывает гамсуновскую «Санаторию “Торахус”», вторя представлению об окончательной гибели «усадебной культуры» в военно-революционном огне 1917–1922 гг., распространенному в русской эмиграции первой волны. Не случайно Т. Манн находил в К. Гамсуне значительное «русское влияние»[4]. У самого же автора «Волшебной горы» территорией такого преодоления становится тот же «усадебный топос», хорошо знакомый немецкому писателю по горячо любимой им «святой русской литературе». Именно «русская идея», выраженная в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. Сологуба и др. (заметим, «усадебных» писателей), способна уберечь, как надеется Т. Манн, межвоенный европейский мир от духовной смерти[5].

Показательно в романе Т. Манна и новое понимание человека, личности, по сути – новая концепция гуманизма. Ведь «соприкосновение с болезнью и смертью сулит» Гансу Касторпу «ясновидение, прозрение, чудесный взлет его “я” <…> предчувствие новой, грядущей человечности <…>»[6]. Поэтому задачу немецкого писателя можно усмотреть в манифестации такого «нового» человека, «подлинность» которого открывается в «бытии к смерти», на пороге «ничто». Мы намеренно воспользовались экзистенциалистской терминологией, к которой логически подводит нас интерпретация Т. Манном в 1939 г. своего романа, написанного в 1924 г. Ведь к 1930-м гг. идеи экзистенциализма в европейской философии уже были сформулированы (например, в трактате «Бытие и время» М. Хайдеггера) и получили литературно-художественное воплощение (например, в романах «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Тошнота» Ж.-П. Сартра, «Три товарища» Э. М. Ремарка и др.). При

[1] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 229, 231.

[2] Здесь и далее в цитатах курсив мой. – *О. Б.*

[3] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 237.

[4] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 91.

[5] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 92–93.

[6] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 241.

этом герои всех названных произведений, сделавшие выбор в пользу своей экзистенции, сразу оказывались лицом к лицу с абсурдностью и пустотой окружающего мира, которые трагически переживали. Так и манновский Ганс исчезает из поля зрения читателя, теряясь в слепом хаосе сражений Первой мировой войны. Фединский же персонаж, пройдя сходную инициацию, приобщается к великим смыслам своей родины.

Кроме того, в «Санатории “Арктур”» обыгрываются и медицинские разоблачения в «Волшебной горе», которые обсуждаются героями обоих романов, – это нечестность ряда врачей в постановке диагнозов, процессе лечения больных и как можно более долгом их удержании в легочном санатории ради получения немалых денег, что является «отражением капиталистического общества довоенной Европы»[1]. На протесты, «поступившие из медицинских кругов», немецкий писатель ответил в открытом письме «О духе медицины»: «…*социальная критика* не является моей страстью и не относится к сильным моим сторонам, <…> в моем творчестве она, как бы случайно и мимоходом прихваченная, играет лишь *побочную роль*»[2]. Главную же проблематику своей книги автор определил так: «Смерть и болезнь в “Волшебной горе” <…> изображаются в виде мощного *познавательного средства*, а также как “гениальный” путь к человеку и любви», «к предчувствию *нового гуманизма*»[3].

Если указанные романы К. Гамсуна и Т. Манна упомянуты К. А. Фединым в переписке и художественном дискурсе и потому сомнений в их известности советскому писателю не возникает[4], то из произведений Э. М. Ремарка может быть доказано по дневниковым записям К. А. Федина только прочтение романа «На Западном фронте без перемен», который он считал «лучшей книгой о Первой мировой войне»[5]. В 1936 г. в СССР в русском переводе был напечатан роман Э. М. Ремарка «Возвращение». Изданный в Амстердаме в 1938 г. в период эмиграции немецкого писателя-антифашиста из Третьего Рейха роман «Три товарища» (русский перевод – 1958 г.) вполне мог быть прочитан К. А. Фединым на немецком языке (которым он свободно владел), несмотря на запрет его автора в СССР начиная с 1937 г. Но даже если этого не случилось, мы вправе говорить о типологическом сходстве обоих произведений: в нескольких главах «Трех товарищей» изображен тот самый Давос с

[1] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

[2] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

[3] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 50–51.

[4] См. письмо К. А Федина к жене из Давоса от 9 октября 1931 г. Цит. по: Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 157–158.

[5] Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «*Они сражались за Родину»: литература и история*, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 460. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

туберкулезными санаториями, который уже знаком нам по романам Т. Манна и К. А. Федина.

Как и у Т. Манна, давосская усадьба-санаторий в «Трех товарищах» видится местом прорыва к «новому гуманизму», но теперь уже очищенному от «больших нарративов»[1], проникнутому конечностью человеческого существования как единственной данностью. Такой гуманизм Ж.-П. Сартр приравнял к экзистенциализму, то есть к полной ответственности самого человека за свой жизненный выбор, оптимизму и учению о действии[2]. Подобно Т. Манну, давосский санаторий у Э. М. Ремарка далеко не только лечебница со скорбными переживаниями, но и настоящая усадьба с уютными интерьерами и садово-парковым окружением, с приятельским и любовным общением, прогулками, разговорами, совместными трапезами, праздниками, красивыми нарядами, музицированием, чтением…

Обратимся, наконец, к непосредственному анализу романа К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» в свете усадебной традиции как русской, так и западноевропейской литературы XX в. Для начала остановимся на ряде биографических моментов. К. А. Федин вошел в литературу в начале 1920-х гг. как участник группы «Серапионовы братья», под влиянием которой первостепенное значение придавал художественной форме своих произведений и включенности в общий эстетический поиск западноевропейской литературы[3]. По свидетельству В. А. Каверина, К. А. Федин в те годы ценил «нетленное в литературе», обладал «искренним и независимым голосом»[4]. Ю. М. Оклянский пишет о том, что в 1930-е гг. К. А. Федин «открыто говорил близким друзьям об установлении в СССР личной диктатуры», в НКВД за «антисоветские настроения» и «политически вредную роль в литературе» на него было заведено досье и готовился его арест[5]. Доверенный друг К. А. Федина – Б. А. Пильняк – показал на следствии в декабре 1937 г., что они «часто вели разговоры о невыносимом режиме в партии, о том недоверии, которым окружен человек. Этот режим рассматривался нами как террор <…> аресты, непонятные и необъяснимые, обернули К. А. Федина против всей партии – Сталина и Ежова. <…> мы сходились на том, что <…> положение в партии и стране грозит катастрофой»[6]. К. А. Федина «били» и на

[1] Выражение Ж. Ф. Лиотара, писавшего о кризисе «больших нарративов» (идейно-религиозных комплексов, сформировавшихся в культуре модерна) в эпоху постмодерна.

[2] Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм,* перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953, с. 9, 19, 29.

[3] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 57–61.

[4] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 14, 83.

[6] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 82.

собраниях Союза советских писателей, и в печати. И ходил он «часто помятый и неуверенный», испытывая «беспросветный страх» перед арестом[1].

В то же время В. А. Каверин свидетельствует о нараставшей в К. А. Федине «перемене», о «раздвоении»[2], в 1950-е гг. завершившемся поглощением талантливого художника чиновником-функционером, занимавшим высокие посты в писательской иерархии СССР. «Многослойность» К. А. Федина отмечает и Оклянский[3], по наблюдению которого в 1930-е гг. «Федин-художник, чтобы уцелеть, вынужден был изощряться в изобретении компромиссов», «следы» которых присутствуют не только в «антикапиталистическом романе» «Похищение Европы» (1935), но «отчасти и в романе “Санаторий ‘Арктур’”»[4].

Важно отметить автобиографичность давосских страниц Т. Манна, Э. М. Ремарка и К. А. Федина, их пропущенность через личный опыт. Так, Т. Манн в 1912 г. навестил жену, лечившуюся в одном из давосских туберкулезно-легочных санаториев, где прогостил рядом с ней несколько недель. Также и Э. М. Ремарк в 1929–1930 гг. проводил время в Давосе со своей больной туберкулезом женой Юттой. В свою очередь К. А. Федин попал в 1931–1932 гг. в давосский высокогорный санаторий «Гелиос», заболев наследственным туберкулезом. Так что внешний антураж и медицинские реалии давосских картин «Волшебной горы», «Трех товарищей» и «Санатория “Арктур”» практически идентичны. Разве что у Э. М. Ремарка нет обвинений в нечестности врачебного персонала санатория, хотя немало говорится о дороговизне лечения Патриции, для оплаты которого друзьям пришлось продать любимый, собранный своими руками автомобиль. К. А. Федин же воспроизвел «нравственный климат уединенной альпийской лечебницы для тяжелых чахоточных хроников, где вырванный из привычного существования человек в принудительном кругу ему подобных ежедневно ведет сражение за самое дорогое, что даровано свыше, – за глоток воздуха, за луч солнца, за собственную жизнь. В романе много выстраданного, пережитого»[5]. На наш взгляд, это касается не только давосского, но и советского опыта писателя в годы работы над «Санаторием “Арктур”» (1937–1940), самые мрачные в плане политических репрессий в СССР. Разлитая на его страницах атмосфера страха смерти, жизненной неопределенности, непредсказуемости будущего коррелирует с психологическим состоянием К. А. Федина в это время.

[1] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 86–87.

[2] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

[3] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 17.

[4] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 138.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 139.

Свой «камерный роман» советский автор назвал «лучшим» у себя «в смысле законченности характеров» и «по построению»[1], так как стремился прежде всего к решению художественных задач, релевантных этико-эстетическому поиску современной ему западноевропейской литературы, а также к соответствию высокой планке, заданной русской классикой. В одном из писем автор признавался: «Я люблю “Санаторий ‘Арктур’”. По письму <…> это лучшая моя вещь. Думаю – и в смысле точности выраженности темы»[2]. Недаром первоначально К. А. Федин хотел назвать роман «Вечная книга»[3]… И тем не менее в «Арктуре» на авансцену выдвинуто противостояние социалистического и капиталистического миров. Еще в письмах из «Гелиоса» К. А. Федин критиковал устройство буржуазной медицины: «тут оплачивается все, вплоть до улыбки» (к жене от 11 сентября 1931 г.); «…санаторий – это аппарат, выделяющий из коховых бацилл швейцарские франки» (к А. М. Горькому от 22 марта 1932 г.)[4], что нашло отражение в сюжетной линии владельца «Арктура» – доктора Клебе. Да и условия советской печати 1930-х гг. требовали непременного соответствия соцреалистическому канону, принятому на I съезде писателей в 1934 г.

С этих позиций и оценивался советской критикой 1940–1941 гг. давосский роман К. А. Федина, хотя большинство рецензентов сразу почувствовали в нем второй план: «…автор задался целью показать гибель, умирание людей буржуазного мира, а показал умирание вообще, болезнь как таковую, вновь разработал тему, уже широко использованную» К. Гамсуном и Т. Манном[5]. «Федин ответил на роман Т. Манна произведением, проникнутым духом <…> советского гуманизма, в котором преодолевается и снимается трагизм жизненных противоречий»[6]. Связь с Москвой, благодаря которой главный герой, по замыслу автора, единственный выздоровевший в швейцарском санатории, противоречит «логике образа Левшина», на деле далекого от «полновесной, дородной, клокочущей жизни» в СССР[7]. «Главным врачом Левшина была советская родина», подарившая ему «смысл выздороветь»[8]. Мир фединского романа отражает состояние буржуазного общества накануне Второй мировой войны, однако Левшин – «неудачное олицетворение советского мира»[9]. В приведенных оценках заметны противоречия и нестыковки. С одной стороны, рецензенты отмечают разоблачение западной жизни «с позиций социалистического мировоззрения»[10], с другой – критикуют образ Левшина, который «не может быть полпредом

[1] Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 156.

[2] Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

[3] Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 153.

[4] Цит. по: Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 156, 167.

[5] Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 227.

[6] Оксенов И. О новом романе К.Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 286.

[7] Рунин Б. Рецензия на «Санаторий “Арктур”». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 12.

[8] Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

[9] Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир,* 1941, № 2, с. 183.

[10] Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 153.

советского общества в романе, ему не хватает для этого многих черт, характерных для советского человека в его лучшем выражении»[1].

Более определенно советская исследовательская мысль смогла высказаться лишь в эпоху практического отказа от соцреалистического канона. Так, Н. И. Кузнецов выделил в «Санатории “Арктур”» два плана: «конкретно-бытовой, психологический и подтекстный, философско-обобщающий, символический», а в качестве основного художественного приема – «испытание человека смертельной опасностью» для выяснения, зачем люди живут[2], что вплотную подводит к осознанию экзистенциальной проблематики фединского произведения. Б. Я. Брайнина признала главной в давосском романе К. А. Федина философскую «вечную тему жизни и смерти», одновременно и «остро социальную» благодаря неоднозначному, трагическому образу хозяина санатория Клебе как «жертвы собственности», вызывающего скорее сострадание, чем осуждение[3]. Вывод исследовательницы бесспорен: «Советская литература неотделима от <…> развития всей мировой литературы». К. А. Федину «кровно были близки <…> искания, темы, проблемы мировой литературы XX века. <…> И, может быть, нигде эта близость не выступает с такой наглядностью, как в романе “Санаторий ‘Арктур’”»[4]. А. Н. Старков за внешним планом соревнования западного и советского миров в 1930-е гг. разглядел в фединском романе универсальный конфликт между *мечтой* и *действительностью*, сопровождающий человека во все исторические эпохи[5].

По этой логике, Клебе, Инга Кречмар, майор Пашич, увлекающиеся «мечтательной» художественной литературой[6], тратящие свои душевные силы на воображаемые приключения и удовольствия, а не на борьбу с реальными жизненными сложностями, истощают свой внутренний потенциал и в результате погибают душевно или физически. И даже Левшин, единственный представитель социалистического мира в произведении, по сути, такой же мечтатель, когда думает или говорит о советской Москве. Вспомним, как грек-парикмахер в санатории слушает рассказы Левшина о столице СССР: «со сдавленным дыханием, держась за сердце», так «много было *таинственно-влекущего* в этих рассказах…»[7]. Сходно реагирует и неисправимый фантазер Клебе: «сколько раз я думал о Москве, исцеляющей эту страшную болезнь», то есть зависимость от собственности, – отвечает он Левшину. «Я иногда *мечтал о чуде*, которое меня спасет», – пишет Клебе перед самоубийством. <…> Говорят, есть

[1] Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956, с. 24–25.

[2] Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 150.

[3] Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 92, 103–105.

[4] Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 110.

[5] См.: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 160.

[6] Не случайно в романе К. А. Федина большое внимание уделено чтению этих героев, подробно охарактеризованы книги, которые они любят читать.

[7] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 38.

на свете страна, где *чудеса случаются с людьми*, у которых денег нет. Если бы я был здоров, я пошел бы туда пешком, чтобы убедиться, что это – *сказка*»[1]. И если сопоставить оценку Левшина как «принципиально схожего с другими персонажами» произведения, то есть с интернациональными обитателями «Арктура», и мнение о том, что он *не* раскрывается как «носитель нового, советского мироощущения»[2], с тяжелым эмоциональным состоянием К. А. Федина в период работы над своим давосским романом, то многое в его глубинной проблематике начинает проясняться.

На фоне арестов близких друзей, неуверенности в завтрашнем дне и страха репрессий в советской жизни создателя Левшина, воспоминание этого героя о пуске ДнепроГЭС в 1932 г. и решение «выздороветь, выздороветь, выздороветь и вернуться туда, домой, к смыслу и цели всего будущего!»[3] видятся утопией, наподобие мечтаний майора Пашича о дореволюционной России, в которой он воспитывался до начала Первой мировой войны, или фантазий Клебе о голландском миллионере, будто бы возжелавшем «воскресить из захудалости “Арктур”»[4]. Ключом же к экзистенциальному смыслу фединского романа представляются как бы невзначай брошенные майором слова: «…*русские* умеют заразить *мечтательностью*»[5]. Однако «мечтательность» может быть понята не только как экзистенциалистская «мнимость» или «неподлинность», но и как верность временно утраченному идеалу, как проективное мышление, формирующее будущую действительность[6]. Именно поэтому левшинская мечта, в отличие от иллюзий других персонажей романа, проявила целительную силу – герой действительно выздоровел, стремясь *домой*, хотя в исторической реальности представляемого им *дома* уже не было. Его спасла *мечта о подлинном доме*, под которым К. А. Федин, судя по всему, подразумевал не только СССР с его урбанизацией, индустриализацией, принудительной идеологией и т. д., но и традиционную Россию, классическую литературу, писательскую усадьбу Ясную Поляну, в которой он в 1940-м г. дописывал свой «Санаторий “Арктур”». Разовьем, однако, эту мысль чуть дальше. Сейчас же завершим обзор исследовательских оценок давосского романа.

Уже в XXI в. о его противоречивости открыто высказалась молодая ученая С. В. Кудрицкая: «Если Федин-идеолог во многом формировался под влиянием советской коммунистической пропаганды, то Федин-художник <…> вступал в полемику с идеями большевизма <…> самим своим творчеством, созданием неоднознач-

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

[2] Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 226.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 64.

[4] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 113.

[5] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 56.

[6] Омельченко Н. В. О значении мечты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии*, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP

ных художественных образов. <…> Сегодня классовое звучание конфликта не представляется столь всеобъемлющим, зато на первый план выступает экзистенциальный уровень понимания общечеловеческих проблем. Люди, оказавшиеся на пороге смерти, столкнувшиеся с неразрешимыми ситуациями, – именно это интересно в первую очередь читателям»[1]. Ею сформулирована задача – вычленить у К. А. Федина следы «идеологического нажима и подлинных авторских интенций»[2]. Последнее мы и попытаемся осуществить в дальнейшем анализе, причем впервые – с точки зрения усадебной топики, которая, на наш взгляд, определяет идейно-художественное целое «Санатория “Арктур”».

В первую очередь обратимся к названию фединского произведения. В фокусе писательского внимания не какой-либо из персонажей, не противостояние двух социально-экономических и идеологических систем, но сама усадьба-санаторий: «Центральной осью является именно санаторий “Арктур” – *судьба “дома”*, его обреченность на фоне нынешней Европы <…>»[3], – писал автор жене 18 февраля 1940 г. из Ясной Поляны. Ю. М. Оклянский передает сказанные ему слова К. А. Федина, проливающие свет на «подлинные интенции» автора давосского романа: «Художнически я принял и понял Льва Толстого где-то к сорока годам (то есть в 1930-е гг. – *О. Б.*), когда он стал для меня наивысшим авторитетом <…>. Несколько позднее я стал посещать Ясную Поляну. Особенно запомнился мне один из первых приездов – зимой. Был страшный мороз. На станции Засека меня встретил закутанный в овчину кучер толстовских времен. В доме ждала внучка Софьи Андреевны Толстая-Есенина. <…> В доме все поддерживалось, как при хозяевах. Кухарка, которая готовила Толстому, подала ужин при свечах – молоко и хлеб. Ночью я слушал тишину. <…> Фантастическая тишина. Там, в Ясной, я жил полтора месяца и окончил “Санаторий ‘Арктур’”»[4]. Как видим, толстовская усадьба проявила устойчивость, национально-культурную укорененность даже в самые неблагоприятные для русской «усадебной культуры» времена. И в нестабильном мире первой половины XX в. Стала якорем «вечных» ценностей

Мемуарист отмечает, что К. А. Федину с юности была присуща «устремленность к русской национальной самобытности»[5], о чем, в частности, свидетельствует его полувековая дружеская переписка с писателем И. С. Соколовым-Микитовым, к которому автор «Санатория “Арктур”» многократно приезжал в деревню поохотиться и приоб-щиться к родному быту и природе. В письме к И. С. Соколову-Микитову от 19 февраля 1940 г. К. А. Федин признавался, что «наполнен Толстым», читает «его и

[1] Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3, 54.

[2] Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3.

[3] Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 159.

[4] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 140.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 141.

о нем, и многое заново понимает, заново открывает», часто ходит через парк на могилу Л. Н. Толстого, а вокруг – зима, морозы, метели, сугробы, снежные заносы[1]. Все это напоминает ма́стерские зимние пейзажи в «Санатории “Арктур”»: «снега лежали обильные, в горах – уже голубые, в долине – еще подрумяненные чистым розовым утром»[2]; «Неизменная, насыщенная покоем даль простиралась перед “Арктуром”. Изломанные заледенелые вершины, в подножиях – темные окаймления лесов, едва заметные в снегах избушки пастбищ на склонах, неподвижное солнечное небо. Как привычно вселяло это <…> спокойствие и ровность!»[3]. Отметим, что зимние пейзажи типичны для русского «усадебного текста», в том числе для произведений Л. Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина» и др.), так как «усадебная культура» связана с круглогодичным, а не сезонным (летним) проживанием в имении.

Таковы, помимо западноевропейских претекстов фединского романа, его отечественные истоки в русской классической литературе, сердцем которой был «усадебный текст». Критика, не акцентируя толстовского влияния в «Санатории “Арктур”», все же отметила и великолепные пейзажи, и «диалектику человеческих чувств и отношений» в фединском психологизме, и сходство сцен умирания Инги Кречмар со «Смертью Ивана Ильича»[4], и передачу «диалектики души» главного героя романа Левшина[5], а в пребывании автора в толстовской Ясной Поляне – «сознательно избираемую соразмерность замысла и обстановки»[6].

Однако думается, что преемственность давосского романа К. А. Федина художественному миру Л. Н. Толстого шире. В первую очередь это касается так и не понятой до конца фигуры Левшина, вызвавшей разочарование у советских критиков. Известно, что К. А. Федин считал этот образ «слабым», но не по замыслу, а по исполнению – из-за чрезмерной близости к самому себе как автору. Первоначально герой назывался Ивановым, однако 18 февраля 1940 г. писатель сообщил жене о переименовании Иванова в Левшина: «не хочу давать повод к обвинению меня в претензии создать общественный тип»[7]. В самом деле, Левшин отнюдь не плакатный представитель советского строя, но сложный противоречивый образ, частично восходящий к Гансу Касторпу у Т. Манна (как средний, обыкновенный человек, попавший в осо-

[1] *«Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974*, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008, с. 291–292.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 79.

[4] Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 284.

[5] Хусиханов А. М. «Санаторий “Арктур”» в творческой биографии К. А. Федина. *Актуальные проблемы современной филологии*: сб. трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 34.

[6] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 140.

[7] Цит. по: Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 155.

бую жизненную ситуацию; не случайно оба инженеры) и полемически – к Роберту Локампу у Э. М. Ремарка (в экзистенциальной ситуации с умирающими девушками: Роберт самоотверженно разделяет участь больной Патриции; Левшин отстраняется от Инги ради «удовольствия от собственного здоровья»[1]). Но есть, на наш взгляд, и третий источник, на что указывает выбранная для этого персонажа фамилия, созвучная любимому, во многом автобиографическому герою Л. Н. Толстого – Константину Левину. И если допустить, что фединский Левшин – субститут толстовского Левина, многое встает на свои места: и яркая жизненность героя давосского романа, и его противоречивость, и любовное влечение к здоровой женщине (доктору Гофман), и этические переживания в отношениях с больной Ингой Кречмар (раскаяние в эгоистической лжи и в недостатке сострадания), и совестливость, и душевная отзывчивость (по отношению к доктору Клебе), и особенно – преодоление страха смерти (разлитого в пространстве давосской усадьбы-санатория и бывшего проблемой в усадебном мире Л. Н. Толстого) – все это с очевидностью роднит обоих героев. Провиденциальным оказывается даже совпадение имен толстовского Левина и самого К. А. Федина – Константин. Однако более подробно аргументировать высказанную гипотезу в рамках небольшой статьи не представляется возможным, поэтому перейдем к дальнейшему рассуждению.

«Арктур» воспринимается как усадьба с особой функцией – излечением туберкулезных больных. Здесь есть медицинская лаборатория, рентгеновский кабинет, врачебная приемная, многочисленные балконы для лежания пациентов на воздухе. Однако это не только лечебница, но и пространство для многогранной жизни усадебного сообщества с уютным холлом, удобной столовой, вместительной гостиной, где музицируют на рояле, комнатами для гостей, коридорами с красными ковровыми дорожками, гаражом, садом с аллеями, красивой каменной оградой и т. п. Гости выглядят здоровыми и загорелыми, хотя, по наблюдению Инги, внутренне надломленными. По замыслу своего хозяина – Клебе – «Арктур» должен был «лечить и оплачивать лечение», «стать вечностью и в то же время ценою, которою приобретается вечность. А он стал пожирателем здоровья доктора Клебе, стал пагубой»[2]. При всей привлекательности, что-то неправильное было в этой усадьбе, и автор прямо указывает что – ее владельческий статус, к тому времени упраздненный в Советской России. Ведь Ясная Поляна уже стала музеем, общественным достоянием, да и сам Л. Н. Толстой при жизни сводил к минимуму свое положение собственника. Жалобы Клебе на «вероломную природу собственности»[3], по-видимому, имеют обобщающий характер и восходят к биографии позднего Л. Н. Толстого, а не только вызваны экономическим кризисом в Европе 1930-х гг. Ведь Клебе, будучи хорошим, образованным человеком, компетентным врачом, как собственник вынужден идти на безнравственные поступки ради удержания платежеспособных пациентов в «Арктуре». Та-

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 67.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 96.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 42.

ким образом, ценой существования владельческой усадьбы в капиталистическом мире становится сначала деградация, а затем ее хозяев. Недаром «Арктур» видится Левшину «высоким, легким, *чересчур узким* домом»[1], непрочно стоящим на земле.

Тем не менее Левшин сожалеет о «падении» «Арктура» как о «*драгоценной* утрате»: «все, что было в нем чуждое, будто взял с собою Клебе, и, точно в воспоминании о детстве, в “Арктуре” засветилось все только хорошее <…>»[2]. В самом деле, «в старом, навсегда погибшем “Арктуре”»[3] Левшин различал близкие ему по русской культуре усадебные черты, там он пережил «второе рождение», связанное не только с выздоровлением от смертельной болезни, но и с переходом на новую ступень внутреннего развития (как бы из детства – во взрослость), благодаря полученному в стенах санатория опыту: знакомству со множеством людей разных национальностей, социальных слоев и жизненных ценностей, близостью к смерти в ее уродливых обличиях, переживанию конечности человеческих взаимоотношений и относительности чувств. Другими словами, усадьба-санаторий стала для Левшина, как ранее для героев Т. Манна и Э. М. Ремарка, пространством инициации и экзистенциального личностного выбора.

Однако есть у Левшина еще и нечто сверх этого – спасительная мечта о *подлинном доме*, которой нет и не может быть у остальных, нерусских героев. Да, это Россия, русская усадьба не как барское владение, но как «культурное гнездо» и территория высоких бытийных смыслов – толстовская Ясная Поляна, сохранившаяся, несмотря на исторические катаклизмы 1910–1930-х гг. И технические достижения советской России – трубы торфяных топок, гидроэлектростанции, опоры высоковольтных передач – воспринимаются в романе К. А. Федина продолжением, а не отрицанием прежней высокой традиции. Как нам представляется, инициация Левшина, помимо вышесказанного, состояла еще и в том, что из *советского* он преобразовался в *русского* человека, за спиной которого – великая тысячелетняя история и культура. Вот то *чудо*, которое спасло фединского героя. Мы различаем его благодаря «криптоусадебной мифологии», нередкой в произведениях социалистического реализма, где прежний «усадебный миф» «присутствует как бы в снятом виде, прикровенно, под слоем новой мифоидеологии строительства справедливой социальности и формирования советского человека»[4]. С ее помощью утверждаются, казалось бы, навсегда утраченные «усадебные» ценности, способность выпрямить и духовно напитать человека.

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[4] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 81. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Более того, не только имя главного фединского героя связано с «Анной Карениной», но и само название давосской усадьбы-санатория. Так, в этом романе Л. Н. Толстого есть упоминание звезды Арктур на ночном небе во время охоты со Стивой Облонским, приехавшим погостить в усадьбу Левина: «Стало темнеть. Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурус. Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левин решил подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдет выше его и когда ясны будут везде звезды Медведицы»[1]. Исследователи отмечают, что Арктур и Венера в этом описании представляют собой как бы космические ипостаси героев романа: сам Левин – Арктур (еще «мрачный», но полный «красного огня»), Кити, на брак с которой он продолжает надеяться, несмотря на первоначальный отказ, – созвездие Медведицы, а любовь Левина к Кити символизируется Венерой[2].

Таким образом, совокупность приведенных факторов (завершение фединского романа в Ясной Поляне, созвучие фамилий Левшина и Левина, типологическое сходство этих героев, созерцание Левиным звезды Арктур в окрестностях своей усадьбы и даже отождествление героя с этой звездой) позволяет достаточно убедительно говорить о преемственности «усадебного текста» «Санатория “Арктур”» толстовской «Анне Карениной», имплицитно воплощенной советским писателем с помощью «криптоусадебной мифологии».

Симптоматично, что давосский роман начинается и завершается «мечтательными» эпизодами, связанными с линией Клебе: в 1-й главе он прославленный дирижер берлинской филармонии, объездивший с гастролями весь мир; в предпоследней – министр здравоохранения у самого дуче; а в последней главе приводится его предсмертная записка с мечтой о *чудесной* стране СССР. Однако мечтателями, как уже было показано, являются все герои, включая Левшина. Реальность же их санаторной жизни – это не только долги, кредиторы, процедуры, рентген, постельный режим, но и великолепие горных ландшафтов, и катание на санях, и спортивные соревнования, увлекательные прогулки, совместные праздники, музицирование, легкое чтение, словом – болезнь и развлечения. В отличие от настоящей усадьбы, в первую очередь русской (у Л. Н. Толстого и др.), обитателям санатория не хватает занятости нужным делом и серьезности, судьбоносности переживаний. Даже санаторные врачи (за исключением Штума) не столько лечат пациентов, сколько вытряхивают из них деньги. И когда Штум, после смерти Инги убедившийся в медицинской несостоятельности «Арктура» как всего лишь «*личины* земного рая»[3], покидает санаторий, – тот обречен, так как больше не укоренен в бытии: «дом *плыл* в мире синего неба, снежных

[1] Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934, с. 173.

[2] Леннквист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010, с. 99.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 107.

гор, светло-зеленых лугов, мохнатых черных окаймлений леса»[1]. Его роль – как пространства инициации, места обретения экзистенциальной «подлинности» главным героем, – сыграна. Звезда «Арктура» закатилась, в судьбе Левшина восходит солнце России, вбирающей в себя и созидательные советские годы, солнце Ясной Поляны…

Выводы

Благодаря включенности в большую литературную генеалогию, основной конфликт в романе «Санаторий “Арктур”» имеет не столько социальный, сколько философско-экзистенциальный характер, являясь сопоставлением в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* («мнимости») и *действительности* («подлинности»)[2] как важных модусов человеческого существования. Топос западной усадьбы-санатория в литературе первой половины XX в. (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, К. А. Федин) оправдан исключительно как «пограничная ситуация» перед лицом смертельной болезни, ведущая к инициации и / или к экзистенциальной «подлинности» героя. В силу владельческого, корыстного по отношению к пациентам характера он не имеет иной положительной ценности, поэтому после выполнения своей *педагогической* функции исчезает. У К. А. Федина западный санаторий вдобавок имплицитно сопоставлен с русской усадьбой как топосом многовековой национальной силы и высокой культуры, поэтому его прошедший инициацию и достигший экзистенциальной «подлинности» герой, в отличие от своих западных аналогов, получает возможность обрести *прочный дом* на родине. И, по сравнению с А. Н. Островским и Б. Н. Полевым, родина для Федина не только СССР, но также историческая Россия.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity*; edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980. 376 с.

Brainina B. Ia. *Fedin and the West*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1980. 376 p. (In Russ.)

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[2] «Мнимость» и «подлинность» – категории философии экзистенциализма, в частности у М. Хайдеггера в трактате «Бытие и время» (1927): подлинность – это способность Dasein (здесь-бытия) быть самим собой, удовлетворять своему существу и осуществлять свой проект, а мнимость – это состояние, при котором Dasein отдаляется от себя, отворачивается, скрывается в серой массе и тем самым предает себя.

Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. 358 с.

Hamsun K. *The last chapter*: A novel, translated from Norwegian by E. L. Weinbaum and E. M. Lazarevskaya. Moscow; Leningrad: Petrograd, 1924. 358 p. (In Russ.)

Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир,* 1941, № 2, с. 178–203.

Goffenshefer V. Notes on fiction in 1940. *New World*, 1941, no. 2, pp. 178–203. (In Russ.)

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Knorre E. Iu. Estate-sanatorium and garden-city: “Happy Spaces” in the N. A. Ostrovsky’s novel “How Steel Was Tempered”. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016. 58 с.

Kudritskaia S. V. *Europe and the Europeans in the creative consciousness of K. A. Fedin*: Graduation thesis. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2016. 58 p. (In Russ.)

Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980. 276 с.

Kuznetsov N. I. *K. A. Fedin as an artist. Problems of method and style*. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, 1980. 276 p. (In Russ.)

Леннквист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 127 с.

Lönnqvist Barbara. *A journey deep into the novel. Leo Tolstoy: “Anna Karenina”*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2010. 127 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959. 500 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 3. Moscow: GIKhL, 1959. 500 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 4. Москва: ГИХЛ, 1959. 544 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 4. Moscow: GIKhL, 1959. 544 p. (In Russ.)

Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 45–51.

Mann Th. About the spirit of medicine. An open letter to the publisher of the German Medical Weekly. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 9. Moscow: GIKhL, 1960, pp. 45–51. (In Russ.)

Манн Т. *Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 226–241.

Mann Th. *The way to the Magic Mountain*; compiled and commented by S. K. Apt. Moscow: Vagrius, 2008, pp. 226–241. (In Russ.)

Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015. 384 с.
Oklyansky Iu. *Riddles of Soviet literature. From Stalin to Brezhnev*. Moscow: Veche, 2015. 384 p. (In Russ.)

Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 154–173.
Oklyansky Iu. Fedin in Davos. *October*, 1982, no. 2, pp. 154–173. (In Russ.)

Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 283–286.
Oksenov I. About the new novel by K. Fedin. *The Star*, 1940, no. 8–9, pp. 283–286. (In Russ.)

Омельченко Н. В. О значении мечты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP
Omelchenko N. V. On the meaning of dreams. *The Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, 2006, no. 5, pp. 5–8. (In Russ.) EDN: KNPEMP

Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982. 362 с.
Ostrovsky N. A. *How Steel was Tempered*: A Novel. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 362 p. (In Russ.)

Павлова Н. С. Интеллектуальный роман. *История немецкой литературы. Новое и новейшее время*, под редакцией Е. Е. Дмитриевой. Москва: РГГУ, 2014, с. 612–616. EDN: YHCOBL
Pavlova N. S. The intellectual novel. *History of German Literature. New and Modern Times*, edited by E. E. Dmitrieva. Moscow: RGGU, 2014, pp. 612–616. (In Russ.) EDN: YHCOBL

Панов Н. «Санаторий "Арктур"». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 225–227.
Panov N. "Sanatorium 'Arcturus'". *October*, 1941, no. 1, pp. 225–227. (In Russ.)

Рунин Б. Рецензия на «Санаторий "Арктур"». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 10–13.
Runin B. Review of the "Sanatorium 'Arcturus'". *Literary Review*, 1941, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм,* перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. 50 с.
Sartre J.-P. *Existentialism is humanism*, translated from French by M. Gretsky. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953. 50 p. (In Russ.)

«Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 482 с.

"Russia brought us together". Correspondence between K. A. Fedin and I. S. Sokolov-Mikitov. 1922–1974, edited by I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK, 2008. 482 p. (In Russ.)

Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998. 640 с.

The Serapion Brothers. Anthology: Manifestos, declarations, articles, selected prose, memoirs, comp., preface. and notes by T. F. Prokopov. Moscow: Shkola-Press, 1998. 640p. (In Russ.)

Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

Serebrov N. Sanatorium, where they do not recover. *Literary Gazette*, 1940, July 5th. (In Russ.)

Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956. 409 с.

Smirnova V. V. *On literature and theater: Articles*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1956. 409 p. (In Russ.)

Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985. 336 с.

Starkov A. N. *Skill stages. An essay on Konstantin Fedin's work*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1985. 336 p. (In Russ.)

Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934. 557 с.

Tolstoy L. N. *Complete works*: In 90 vol., vol. 18. Moscow: GIKhL, 1934. 557 p. (In Russ.)

Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «*Они сражались за Родину»: литература и история*, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 447–467. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

Trubilova E. M. Germany in life and creative work of K. A. Fedina: From 1914 to 1945. *"They fought for their Homeland": Literature and history*, edited by Iu. A. Azarov, A. G. Gacheva, E. M. Trubilova. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2025, pp. 447–467. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

Fedin K. A. Letters about literature. *Literary Russia*, 1981, June 26, p. 9. (In Russ.)

Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7–134.

Fedin K. A. Sanatorium "Arcturus": A Novel. *Fedin K. A. Works* in 10 vol., vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1971, pp. 7–134. (In Russ.)

Хусиханов А. М. «Санаторий "Арктур"» в творческой биографии К. А. Федина. *Актуальные проблемы современной филологии*: сборник трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 31–36.

Khusikhanov A. M. “Sanatorium ‘Arcturus’” in the creative biography of K. A. Fedin. *Topical Issues of Modern Philology:* Collected Works. Saratov: Izdatel’stvo Saratovskogo universiteta, 1964, pp. 31–36. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Алимовна Богданова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X, olgabogda@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Olga A. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X, olgabogda@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.